

Бедусенко Г.А.

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВЁРНУТОЙ
МЕТАФОРЫ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ТИПЫ**

Bedusenko G.A.

**SEMANTIC-SYNTACTIC FEATURES OF THE EXPANDED METAPHOR
AND ITS BASIC TYPES**

УДК: 809.41/45(575.2) (04)

В статье рассматриваются семантические процессы, лежащие в основе развёртывания метафоры, определяется лингвистическая сущность развёрнутой метафоры и основные ее типы в поэтических текстах.

The paper deals with semantic processes of extended metaphors, linguistic essence of extended metaphor and its main types in poetic texts.

РМ рассматривается нами как результат процесса развёртывания метафоры, иначе говоря, процесса её генерирования из неразвёрнутой. Есть все основания говорить о данном процессе как об общеязыковом, поскольку его протекание фиксируется в различных видах дискурса: в разговорной речи [1, 201], в языке науки и политики (при формировании термино- и концептосистем), наконец, – с самых древних времён – в художественной речи.

Вначале рассмотрим семантические процессы, лежащие в основе развёртывания метафоры. В самом общем плане порождение развёрнутой метафоры можно характеризовать как результат взаимодействия двух смысловых рядов.

В качестве инструментария анализа удобно будет воспользоваться рядом семантических понятий, введённых в практику исследования метафоры Ю.И.Левиным [2], с определённой корректировкой некоторых из них.

Значения слов представляют собой наборы сем – элементарных смысловых единиц. В исследованиях по семантике (Ю.И.Левина, Б.А.Плотникова) указывается на то, что сема (у Б.А.Плотникова – семантический признак) – это “минимальная несамостоятельная единица плана содержания” [3, 65], которая выделяется “с помощью логико-лингвистических операций методом компонентного анализа” [3, 24]. Поэтому мы исходим из того, что семы “могут быть лишь приблизительно описаны средствами языка” [3, 291]. Кроме того, мы принимаем во внимание и то, что “...метафора часто строится на признаках, свойственных предмету по существу, но не обязательно отражённых в семантике слова” [4, 78].

Каждая входящая в семный набор сема имеет некоторый вес. Среди сем семного набора значения слова выделяются функциональные семы, выражающие способность денотата к тем или иным действиям, и пустые семные ячейки, предназначенные для приписывания факультативных сем (например, согласно Ю.И.Левину, пустой ячейкой в

семном наборе слова мяч можно считать цветовую сему, позволяющую приписывать слову такие факультативные семы, как красный).

На наш взгляд, последнее положение нуждается в определённой корректировке. В выражениях типа *красный мяч* элемент *красный* является не семой (пусть даже факультативной), заполняющей “пустую ячейку” в семном наборе слова мяч, а квалификативным предикатом, узуально приписанным слову мяч на основании имеющейся в его семном наборе функциональной семы ‘способность иметь тот или иной цвет’. Таким образом, за счёт понятия пустой ячейки нами расширяется понятие функциональной семы как семы, регулирующей узуальную сочетаемость слова с различными предикатами (описание такой семы в самом общем виде можно представить как ‘способность к проявлению того или иного действия, признака, состояния’). Понятие факультативной семы при этом заменяется понятием предиката (соответственно, прибавление к значению слова факультативной семы заменяется понятием приписывания предиката).

Самим Ю.И.Левиним данные положения и соответствующий понятийный аппарат использовались для анализа простых (бинарных) метафор с целью показать типы операций над значениями слов, входящих в их состав. В метафоросодержащих бинармах было выявлено два типа таких операций, и они соответствуют двум основным, описанным в предыдущем разделе, классам метафорических словосочетаний.

Первый тип – это операции вследствие приписывания референту предиката, узуально не сочетающегося с ним, т.е. “не предусмотренного” функциональными семами данного слова (в терминологии Ю.И.Левина – присоединение к семному набору денотата семы, не являющейся для него факультативной), что характерно для группы метафорических словосочетаний типа А + В рг.

Операции второго типа имеют место в результате объединения двух значений в “нечто целое”, при котором “происходит колебание восприятия” от одного к другому, “каждое значение как бы просвечивает сквозь другое”, при этом одно доминирует над другим [1, 291], что наблюдается в метафорических бинармах типа А = В.

Сходные выводы относительно семантических механизмов образования минимальных метафор содержатся в работах Н.А.Басилая, Э.А.Лазаревой, В.Н.Телия, Хоанга Лая и др.

Как отмечалось в работах этих ученых, отношения типа $A=B$ присутствуют (эксплицитно или имплицитно) в любой РМ в качестве её образно-смыслового фокуса. Обрамляющий их контекст (контекст РМ) содержит развёртывание образной темы “ $A=B$ ” путём приписывания предикатов доминирующего члена (В) семантически и грамматически подчинённому (А). На уровне протекания семантических процессов взаимодействие двух смысловых рядов в процессе генерации РМ выглядит следующим образом. Пусть $A=B$ – некоторая минимальная метафора, являющаяся смысловым фокусом данной РМ. В семный набор А входят семы $a_1, a_2, a_3 \dots a_n$, где a_1, a_2, a_3 – семы функциональные, обуславливающие узуальную сочетаемость лексемы А с предикатами ra, pa, pa . Семный набор понятия 123. В соответственно составляют семы $b_1, b_2, b_3 \dots b_n$. Семы b_1, b_2, b_3 – функциональные, на основании которых В получает возможность узуально сочетаться с предикатами pb, pb, pb_1 23.

Идентификация понятий А и В приводит к поиску общих для них сем, и в первую очередь актуализируются функциональные семы, поскольку стимулируется поиск возможных “следствий” данной идентификации по принципу “если А есть В, то оно ...”.

Развёртывание метафоры – это и есть экспликация одного или нескольких возможных её следствий. Иными словами, в процессе генерации РМ актуализируются одни (предположим, это a_1, a_2 и соответственно b_1, b_2) и, наоборот, затушёвываются другие семы каждого из взаимодействующих значений. Совокупность сем, которые актуализируются в семной структуре соответствующих понятий и на основании которых происходит приписывание предикатов субъекта (В) метафоры её объекту (А), назовём интегральным семантическим признаком (ИСП).

Процесс актуализации одних и редукции других сем при образовании метафоры чётко описал М.Ю.Михеев в совсем недавно вышедшей публикации: “Следует оговорить, что при заимствовании для метафоры ,оформляющей оболочки у какого-то другого предмета (ситуации) [речь идёт о субъекте метафоры в нашей терминологии.] на исходный предмет [объект] переносится, конечно же, не весь объём свойств и коннотаций первого, а всегда только лишь н е к о т о р о е, никогда до конца не уточняемое их количество.

Так, например, в сочетании **сноп новостей** имеется в виду: [таких же перепутанных между собой, т.е. не связанных друг с другом <и как бы направленных в разные стороны> как соломинки в снопе]; но, например, не: таких (новостей), <которые сразу же, только появившись, “падают подкошенными, как сноп”>; последняя коннотация явно не при чём” [4,56]. Таким образом, семантические механизмы порождения РМ включают следующие процессы:

а) весовую переакцентировку сем в семантических наборах каждого из взаимодействующих понятий, в результате чего одни семы выдвигаются на первый план (увеличиваются в весе), а другие, наоборот, теряют в весе;

б) добавление новых сем в семантический набор “просвечиваемого сквозь фильтр”;

в) эксплицитное расширение предикативных характеристик объекта метафоры (А).

Проиллюстрируем сказанное анализом конкретного примера:

Столетия повернётся колесо (Е.Винокуров).

Развиваемой в данном примере является ассоциация **стоletье** (А) = **колесо** (В), которую развивает предикат **рbповернётся**. Узуальную сочетаемость данный предикат обнаруживает с понятием В на основании функциональной семы $b > pb$ ‘способность вертеться, поворачиваться, делать замкнутый круг, совершать законченное действие’, которая становится в данном случае актуальной, приобретает больший вес по сравнению с остальными семами. В семном наборе лексемы А (**стоletье**) соотносимой является функциональная сема $a > p$ ‘способность быть завершённым’ (‘участки соотносимости’ показаны пунктиром), обеспечивающая понятию **стоletье** сочетаемость с такими предикатами, как **пройдёт, завершится** и т.п.

Таким образом, слово-объект метафоры получает возможность реализовать семантические и грамматические валентности [1, 139] слова-субъекта.

Предложенное видение процесса семантической деривации РМ может быть положено на синтаксическую основу.

В основе данных путей развёртывания метафоры лежит, по наблюдению М.Л.Новиковой, общий принцип организации и развёртывания текста – причинно-следственные отношения, логическую суть которых представляет импликация, выражающая зависимость того или иного явления от какого-либо условия [5, 15].

Описанные лингвистические механизмы семантического и синтаксического порождения РМ вскрывают природу повышенной информативности тропа. Этот аспект деривации метафорических тропов (метафора и информация) был проанализирован И.Б.Шатуновским, согласно которому к повышенной информативности художественного текста ведёт компрессия “избыточных” элементов предложений, наиболее ярко проявляющая себя в процессе порождения тропеических, и в частности метафорических, высказываний. Наглядно это можно представить как $A \{(ra) \text{ как } \} B (pb)$, или – для имплицированных РМ – как $A \{(ra) \text{ как } B \} (pb)$, где представленная в фигурных скобках часть компрессируется, что ведёт к повышению информативности метафорического тропа.

В дальнейшем мы считаем целесообразным закрепить за двумя совмещаемыми в процессе

деривации РМ структурами (пропозициями) термины узальная пропозиция РМ (соответствует интродуктивной структуре в терминологии Л.Н.Мурзина) и преломляющая пропозиция РМ (соответствует базовой структуре, по Л.Н.Мурзину), которые в большей степени соответствуют “духу разговора” именно о художественном тропе как средстве авторского преломления узальной модели мира.

В структурно-компонентном отношении, производном от механизмов семантической и синтаксической деривации, РМ можно представить как троп, состоящий из двух основных элементов.

Первый из элементов назовём развиваемой частью. Это та центральная ассоциация, которая подвергается дальнейшему развёртыванию, т.е. два исходных понятия А и В, входящие в отношения метафорической идентификации и объединённые на основании некоторого ИСП. Это образно-смысловой фокус РМ.

Второй структурный элемент РМ в дальнейшем будем называть развивающей частью. Состав развивающей части у ОРМ и МРМ различен. Два фокусной метафоры её объекту.

В состав развивающей части МРМ входят не только предикативные распространители фокусной ассоциации, но и дополнительные смысловые фокусы.

Таким образом, ОРМ можно рассматривать как РМ первой степени развёрнутости, представленной в наполнении развивающей части только предикативными распространителями, что схематически можно представить как $\Phi \rightarrow (РЧ = ПР)$, где Φ — фокус ОРМ, РЧ — её развивающая часть, представленная предикативными распространителями — ПР. При этом нулевой степенью развёрнутости характеризуются метафорические бинармы типа $A = B$ (лунный гребень, колесо столетья, девушки-ели и т.п.).

Тогда вторая степень развёрнутости характеризует МРМ, что можно представить как $\Phi_{гл.} \rightarrow РЧ = (ПР + Фр.)$, где $\Phi_{гл.}$ — главный смысловой фокус МРМ, ПР — предикативные распространители, Фр. — развивающие смысловые фокусы.

Следует отметить, что МРМ — это не механическое объединение нескольких отдельных тропов, а “единый знак, имеющий смысл только в этом единстве” [4, 5 – 6]. Это положение подтверждается тем, что входящие в состав МРМ смысловые фокусы вступают, помимо отношений синтагматических (синтаксической связанности) и парадигматических (отнесённости их объектов и субъектов к единым

ЛСГ), в отношении деривационно-иерархические (в отношении логико-смыслового неравноправия). Так, в МРМ **Облаков барашки голубые / Жарятся / на вертеле лучей** более ясным, лёгким для восприятия оказывается первый смысловой фокус — **облаков барашки** (ИСП — форма, цвет) и несколько менее ясным выглядел бы взятый в отдельности второй смысловой фокус — **вертеле лучей**, хотя восстановление ИСП и не вызывает особых сложностей: лучи тонкие, длинные, как вертела. Однако второй фокус полностью раскрывает свой образный смысл только на фоне первого, будучи продолжением заданной им образной темы.

Наличие деривационно-иерархических отношений отличает МРМ от “метафорических цепочек” (термин Ю.И.Левина), для которых характерна или чисто синтагматическая, или синтагматико-парадигматическая связанность “нанизывающихся” метафор, ср.: *Всё тебе: и молитва дневная, / И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая, И очей моих синий пожар* (А.Ахматова).

Таким образом, в составе МРМ в качестве её развиваемой части будем рассматривать (в отличие от ОРМ) развиваемый (наиболее прояснённый, отправной) смысловой фокус. Предикативное распространение, а также остальные фокусы, развивающие базовый, являются наполнителями развивающей части МРМ. Заметим, однако, что иногда предикативные распространители в составе развивающей части МРМ могут отсутствовать, т.е. последняя может состоять лишь из одних развивающих метафорических фокусов, ср.: *На небесном синем блюде / Жёлтых туч медовый дым* (С.Есенин); *...у песни бегущей воды / эта рыбка – припев* (Б.Окуджава).

Литература:

1. Лясота Ю.Л. Понятие о контекстуальной (метафорической) группе // Уч. зап. Дальневосточного государственного университета. – Вып. 5. Сер.филол. – Владивосток, 1962. – С. 93 – 98.
2. Левин Ю.И. Структура русской метафоры. – М. – 2000. – 200с.
3. Плотников Б.А. Моделирование реальности в художественном дискурсе: семиотически сложные жанры (к проблеме типологизации и декодирования текстов) – М., – 1999. – С. 95 – 99.
4. Черкасова Е.Т. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л.Леонова и М.Шолохова) // Исследования по языку советских писателей: Сборник статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5 – 89.
5. Новикова М.Л. Метафора и текст // Русская речь. – 1982. – № 4. – С. 25 - 31.

Рецензент: д.ф.н., профессор Бекбалаев А.А